

Торопова Людмила Александровна

BASED ON DOSTOEVSKY'S PENTATEUCH: WHAT IS "SYUZHET" AND WHAT IS "DISCOURSE"?

Автор акцентирует внимание на неопределенности базовых понятий литературоведения и лингвистики, на прогрессирующей разобщенности этих филологических наук, одинаково призванных к изучению произведений вербального мышления, подвергает критическому анализу содержательную часть наиболее проблемных понятий и на основе референтных данных поэтики пятикнижия Достоевского предлагает взаимосвязанные дефиниции отдельных понятий с выходом на такие динамические понятийные комплексы как корреляция язык?речь?дискурс (language?speech?discourse correlation) и корреляция сюжет?асюжетное (syuzhet?asyuzhet correlation).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 180-187. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

Автор акцентирует внимание на неопределенности базовых понятий литературоведения и лингвистики, на прогрессирующей разобщенности этих филологических наук, одинаково призванных к изучению произведений вербального мышления, подвергает критическому анализу содержательную часть наиболее проблемных понятий и на основе референтных данных поэтики пятикнижия Достоевского предлагает взаимосвязанные дефиниции отдельных понятий с выходом на такие динамические понятийные комплексы как корреляция язык-речь-дискурс (language-speech-discourse correlation) и корреляция сюжет-асюжетное (syuzhet-asyuzhet correlation).

Ключевые слова и фразы: пятикнижие Достоевского; сюжет; категория «не то»; асюжетное; корреляция сюжет-асюжетное; язык; речь; дискурс; корреляция язык-речь-дискурс; сюжетное ожидание; текст.

Торопова Людмила Александровна

l.a.toropova@mail.ru

**BASED ON DOSTOEVSKY'S PENTATEUCH:
WHAT IS «SYUZHET» AND WHAT IS «DISCOURSE»?©**

Punctum saliens. Вводная часть

«Сложившись в эпоху романтизма и настойчиво заявив о себе в первой трети XIX века, методологические принципы литературоведения породили больше вопросов, нежели приемлемых для всех ответов и поставили перед наукой о литературе целый ряд проблем, явившихся важнейшим стимулом развития литературоведения вплоть до нашего времени. Одной из таких проблем является вопрос об отношении автора к созданному им произведению. Поэтику аристотелевского типа не интересовала авторская личность... – важна лишь мера овладения данным лицом приемами профессионального мастерства. Именно против этого... выступила романтическая герменевтика. <...> С точки зрения романтической герменевтики, произведение – это продукт самообнаружения авторской личности...» [10, с. 11-13].

Трудно переоценить заслуги романтизма, но еще труднее переоценить заслуги Аристотеля. Да, именно романтизм обозначил собой самую грандиозную со времен античности смену художественных и, шире, гуманитарных эпох. Однако же, судя по фактам научного обихода и художественной практики, никакого разрушения аристотелевской поэтики не случилось. Случилось другое. Литературоведение, например, самим фактом своего рождения засвидетельствовало некий тектонический сдвиг в области художественного мышления вербального типа, затем стало достаточно последовательно отражать смену поэтологических доминант в мировой литературе, отзываясь на эти изменения теми или иными литературоведческими методологиями. При этом ни поэтика Аристотеля, ни сменяющие одна другую литературоведческие методологии не оставались невостребованными, в снятом виде входя в научный оборот и исследовательскую практику.

*Punctum saliens*¹ в названии текущей части данной статьи обозначает, однако, совсем иную точку невозврата, положившую начало смене художественных эпох. Эту трепещущую, пульсирующую точку невозврата, состоящую в открытии феномена субъективности, олицетворял собой субъект имярек, которого романтики обобщенно отождествили с художником, то есть с особым субъектом особого рода мышления, вступающего в особые субъектно-объектные отношения с особым объектом. Отсюда – посыл «романтической герменевтики», согласно которому «произведение – это продукт самообнаружения авторской личности».

Так был открыт своего рода ящик Пандоры – и в филологии стали множиться понятия, трудно объяснимые трудно объяснимыми понятиями. И если бы не сухой остаток аристотелевской поэтики, можно было бы говорить об отсутствии в филологии некоторого базового реестра общепризнанных понятий, обладающих терминологической определенностью. Поэтому, например, сравнивая поэтику Аристотеля и литературоведение в плане отношений между личностью автора и произведениями, которые этот автор создал, мы увидим не только то, сколь мало значили эти отношения для Аристотеля, но также и то, сколь мало уверена в том, что же делать с этими отношениями, наука о литературе. Метания от биографического метода Сент-Бева до объявленной Бартом «смерти автора» – тому свидетельство.

Такого рода метания отодвигают на периферию филологии решение проблем понятийного аппарата, равно необходимого для адекватного анализа как произведений обычного вербального мышления, так и произведений художественного мышления вербального типа. Особенно остро эти проблемы касаются поэтики на разных уровнях проявления ее сущности: от конкретного художественного произведения вербального типа до общей,

© Торопова Л. А., 2013

¹ «–Трепещущая точка»; перен. главная суть, самое главное. Источник – Аристотель, который в «Исследованиях о животных», VI, 3, говорит, что в птичьем яйце через некоторое время после начала высидывания желток вытягивается к заостренному концу и образует в белке кровавую точку, которая «прыгает и движется, как нечто одушевленное»: в латинском переводе XV в. – «quod punctum salit jam et movetur ut animal» [3].

фигурально выражаясь, технологии производства продукта художественного мышления вербального типа на том или ином этапе эволюции, революции, контрреволюции или стагнации этого типа мышления.

На наш взгляд, сегодня особого внимания по разным, но взаимосвязанным причинам требуют понятия «сюжет» («*syuzhet*») и «дискурс». Начиная с 1999 года, мы использовали эти понятия в качестве инструментов анализа поэтик Островского, Достоевского, Чехова¹ в тех их значениях, которые остаются в силе также и для данной статьи.

Характерную информацию по проблеме, мы, в частности, получили через расширенный поиск от 09.09.2013 в *eLIBRARY.ru* (НЭБ) журнальных публикаций, в названиях которых значились бы слова «дискурс» или «сюжет» («*syuzhet*»).

Поиск названий со словом «дискурс» дал следующие результаты:

- 1) без указания тематики – 1380 публикаций;
- 2) с указанием тематики «Языкознание» – 533 публикации;
- 3) с указанием тематики «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» – 211 публикаций;
- 4) с указанием тематики «Языкознание. Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» – 636 публикаций.

При этом лишь в считанных случаях названия публикаций с включенным в них словом «дискурс» прямо указывали на проблемы с содержанием понятия «дискурс». Но с первого же поискового шага обратила на себя внимание статья «Дискурс – «идер продаж» или «распродажа дискурса?»» В. Е. Чернявской. Статья начинается публицистически остро, опубликована под рубрикой «Дискуссия» и предложена редакцией «Вестника Иркутского государственного лингвистического университета» к обсуждению.

«Как известно любому исследователю в широком блоке гуманитарного знания, сегодня рассуждения о дискурсе стали общим местом в публикациях последних десятилетий. Дискурс – понятие модное, хорошо монтируется с упоминанием об актуальности и новизне публикуемого продукта, предлагаемого в научный оборот. <...> В результате безудержного некритичного использования внешней оболочки этого термина... создался эффект девальвации термина. Дискурс в русскоязычных публикациях проделал эволюцию от воспринимаемого как новое до эклектичного, размытого в своих границах понятия...» [20], – пишет В. Е. Чернявская, и с этой частью статьи трудно не согласиться с поправкой на то важнейшее обстоятельство, что у понятия «дискурс» терминологической определенности никогда и не было – оно изначально «размыто в своих границах».

Проблемы *дискурса* исследуются и так или иначе решаются лингвистами помимо такого в высшей степени референтного материала для исследования, каким являются художественные произведения вербального типа. И в то время как лингвистика не может определиться с понятием «дискурс», наука о литературе исподволь склоняется к контаминации понятия «сюжет» («*syuzhet*») с нарратологией.

Так, расширенный поиск от 09.09.2013 в *eLIBRARY.ru* (НЭБ) журнальных публикаций, в названиях которых значилось бы слово «сюжет» с указанием тематики «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» выдал результат из 300 публикаций. В названиях этих публикаций не было ничего из того, что противоречило бы давно устоявшемуся содержанию понятия «сюжет» («*syuzhet*»). При этом, однако, сделалось правилом представлять по-английски ключевое слово «сюжет» («*syuzhet*») ключевыми словами «plot» или «narrative». Казалось бы: ох уж эти вечные проблемы перевода! Но ведь даже в названии публикации стало возможным встретить прямую контаминацию, как-то: «Нарративные коллизии пушкинской эпохи: два сюжета» [15]. Так называется очень живая статья С. В. Савинкова, написанная вполне в духе отечественных традиций. В переводе на английский статья, соответственно, получает название «Narrative Collisions of the Pushkin Epoch: Two Plots», хотя в ней нет ничего от нарратологии, а в пушкинскую эпоху это называлось именно «сюжетом»² («*syuzhet*») – и не иначе.

Словом, есть проблемы, и ниже мы излагаем свои аргументы в пользу предлагаемого решения этих проблем.

О сюжете (*syuzhet*)

Сюжет (*syuzhet*) – одно из самых дисциплинированных русскоязычных понятий в науке о литературе и один из самых эффективных инструментов анализа произведений художественной литературы. Эти достоинства *сюжета* (*syuzhet*) и как понятия, и как инструмента анализа со временем не умаляются ни разногласиями в его именовании, ни предпочтениями тех или иных методологий.

Начало этой устойчивости положил Аристотель. «...Во всякой трагедии необходимо должно быть шесть частей... это сказание (*mythos*), характеры (*ēthē*), речь (*lexis*), мысль (*dianoia*), зрелище (*opsis*) и музыкальная часть (*melos*). <...> Но самая важная из этих частей – склад событий. <...> не для того ведется действие, чтобы подражать характерам, а, [наоборот], характеры затрагиваются [лишь] через посредство действий; таким образом, цель трагедии составляют события, сказание, а цель важнее всего. Кроме того, без действия трагедия невозможна, а без характеров возможна...» [1, с. 652], – сказано в «Поэтике» Аристотеля.

¹ Подробно об этом см.: Торопова Л. А. Романы Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»: Проблемы и опыт филологического анализа [19]; Торопова Л. А. Островский, Достоевский, Чехов: Об алгоритме поэтики XIX века [18].

² «В «Авторской исповеди» Гоголь рассказал о том, как Пушкин убеждал его принять за обширное повествование _и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет (выделяется автором – Л. Т.), из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ» (Гоголь, VIII, 440)» [12, с. 275-276].

Итак, Аристотель называл это *mythos* и даже специально подчеркивал нечувствительность *mythos* к характерам, то есть к субъектам влияния, каковые, напротив, должны, по Аристотелю, быть в подчинении у *mythos*.

Считается, что понятие, которое в русском языке получит именование **сюжет** (*syuzhet*), впервые было использовано в теории и практике французского классицизма XVII века¹. В «Объяснении 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» А. Д. Михельсона, 1865 года издания, слово **сюжет** (*syuzhet*) представлено в качестве производного от французского *sujet* в значении *предмет* и получившего в русском языке значение *содержание* [16]. В «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» М. Попова, 1907 года издания, слово **сюжет** (*syuzhet*) толкуется как собственно «происшествие, о котором рассказывается в литературном произведении», а также как «момент, изображенный на картине», «предмет беседы» или «содержание музыкальной пьесы» [Там же].

Свою эпоху возрождения **сюжет** (*syuzhet*) как понятие и инструмент анализа художественных произведений вербального типа познал благодаря деятельности ОПОЯЗа. Именно с подачи так называемых русских формалистов это слово приобрело статус понятия науки о литературе, известного в иноязычных научных кругах в транслитерациях образца *syuzhet*.

Оставляя за скобками статусы понятий *фабула* и *мотив* относительно статуса понятия **сюжет** (*syuzhet*) как в данном случае несущественные, мы концентрируем наше внимание на том факте, что за почти две с половиной тысячи лет существования понятия *поэтика* художественность произведений любого жанра идентифицировалась по признакам «гармонической правильности распределения предметов»². Более того, именно относительно поэтики предметности так или иначе обозначались особенности произведений и творческих индивидуальностей, обеспечивавших статус и динамику литературы XIX–XX веков, – и чем далее, тем более.

Показательно в этом плане, что именно относительно поэтики предметности формулируются и решаются проблемы поэтики Достоевского в одноименной работе Бахтина, на первых же страницах которой говорится о том, что «...обычные сюжетно-прагматические связи... предполагают объектность, опредмеченность...», в то время как «обычная сюжетная прагматика в романах Достоевского играет второстепенную роль и несет особые, а не обычные функции», так как «основное событие, раскрываемое его романом, не поддается обычному сюжетно-прагматическому истолкованию» [4, с. 7–8]. Мы полагаем обоснованным называть акцентированное Бахтиным явление **асюжетностью** (*asyuzhet*), что одновременно указывает как на неопредмеченную, необъективированную компоненту события художественного произведения вербального типа, так и на фактор некой дополнительности в отношениях этой компоненты с **сюжетом** (*syuzhet*).

Здесь специально подчеркнем, что речь идет о **корреляции сюжет-асюжетное** (*syuzhet-asyuzhet correlation*) как о дифференциальном признаке поэтики, возникшем в определенное время в определенном месте в художественных произведениях вербального типа, созданных определенным субъектом художественного мышления вербального типа. Такого рода феномен не подлежит и не поддается интерпретации в терминах нарратологии по крайней мере по трем существенно важным причинам: из-за свойственной нарратологии конвенциональности, во-первых; в силу сугубой приверженности нарратологии целям моделирования, структурирования вербальных процессов, во-вторых; в связи с игнорированием нарратологией специфики художественного мышления вербального типа, в-третьих.

Речь в данном случае никоим образом не идет о противостоянии автора этих строк нарратологии как таковой: речь идет о неуместности, неоправданности использования замещающих понятий нарратологии при анализе художественных произведений вербального типа. По крайней мере, крупнейший и авторитетнейший отечественный специалист в области зарубежной литературы, который много сделал для ознакомления русскоязычной научной общественности с новациями западной гуманитарной мысли, в 2004 году сформулировал научные устремления одного из мэтров нарратологии следующим образом: «Опираясь на принципы соссюровско-ельмслевской лингвистики и структурной антропологии Кл. Леви-Стросса, Греймас поставил своей задачей создание всеобъемлющей методологии гуманитарных наук на основе разработанной им – фундаментальной семантики». В работах «Структурная семантика» (1966), «Θ смысле» (1970), «Мопассан. Семантика текста» (1976) Греймас предпринял попытку установить универсальные законы повествовательных текстов, построив чисто логическую модель порождения сюжета» [10].

Англоязычное *plot* мы не отождествляем с русскоязычным **сюжет** (*syuzhet*), поскольку первое по факту используется как понятие и инструмент нарратологии. Тем более это относится к *narrative*.

Собственно **сюжет** (*syuzhet*), в нашем определении, есть процесс и результат опредмечивания, объективирования, экспликации события художественного произведения вербального типа. В случае с Достоевским **сюжет** (*syuzhet*) коррелирует с неопредмечиваемой, необъективируемой, неэксплицируемой частью события произведения, каковую мы называем **асюжетное** (*asyuzhet*), отличая ее также и от того, что называют внесюжетным.

Коротко: **сюжет** (*syuzhet*) ≠ *plot* (*narrative*).

¹ См.: Поспелов Г. Н. Сюжет в литературе // Большая Советская Энциклопедия [14].

² «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу – прочтите сначала все «Новости Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение. Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии и смешение низших с высшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства (Выделено автором – Л. Т.)» [17, т. 18, с. 731], – говорится в письме Льва Толстого П. Д. Голохвастову от 7 апреля 1873 года.

О дискурсе (discourse)

«Дискурс» занимает одну из центральных позиций в словаре современных гуманитарных наук и смежных с ними областей знаний и практик, оставаясь при этом одним из самых неопределенных понятий.

Казус, на наш взгляд, заключается в том, что вполне определенное понятие французской грамматики «discours» (речь), значение которого определялось и определяется синтаксическими категориями прямой («discours direct») и косвенной («discours indirect») речи, оказавшись за пределами субъективности родного франкоязычного мышления, тотчас впало в двусмысленность. Двусмысленность состояла в том, что выход понятия «discours» (речь) за пределы субъективности родного ему языка означал институализацию понятия «дискурс» («discourse») в качестве универсалии. Однако эта институализация с неизбежностью ограничилась приданием транснационального характера только пара- и экстравербальным обстоятельствам говорения-понимания, тогда как в части собственно вербальной компоненты акта говорения-понимания процесс был заблокирован самой природой вербального мышления, которое реально возможно исключительно силами субъекта имярек здесь и сейчас на конкретном практикуемом человеческом языке.

На последнее обстоятельство указывает, в частности, тот факт, что, хотя новое старое понятие «дискурс» («discourse») вполне комфортно позиционируется в качестве «речи, —агруженной в жизнь»¹ и легко приживается в самых разных областях знаний и практик, оно при этом, однако, предполагает своего рода перевод с естественных языков на некий искусственный язык структурополагающих конвенций, как если бы это понятие никогда не принадлежало, не принадлежит и не будет принадлежать субъективности вербального мышления на том или ином практикуемом человеческом языке.

«...Трактовка понятия дискурса значительно менялась на протяжении последних двадцати лет. Если в 60-70-е годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Очевидно, что такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса» [8, с. 8], – говорилось во вступительной статье Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова к сборнику трудов Т. А. ван Дейка, изданному в 2000 году. А в 2013 году в интервью электронному журналу «Современный дискурс-анализ» сам Тен ван Дейк на вопрос о «дискурсе» ответил следующее: «Понятие «дискурс» так же сложно, как и многие другие понятия в науках, например, «язык», «коммуникация», «ознание», «мозг», «общество» или «власть». <...> В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и так далее. Лингвистически говоря, дискурс – это связанная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий» [7].

В отличие от французского *sujet*, эволюционным путем вошедшего в русский язык как *сюжет* (*syuzhet*), то есть, в том числе – как предметное понятие поэтики, французское «discours», превращенное языком международного общения нашего времени в «discourse», принято русскоязычным научным сообществом в транслитерации «дискурс» во всей неопределенности этого понятия и активно используется именно в этом качестве. Между тем, русская литература XIX века, как никакая иная, дает вполне достаточные основания как для правомерности существования понятия *сюжет* (*syuzhet*) в его отличии от понятий *plot* или *narrative*, так и для терминологической определенности понятия *дискурс*. Особенно убедительной в этом плане является поэтика романов пятикнижия Достоевского. Именно она привела нас к следующим выводам и определениям:

- вербальное мышление осуществимо исключительно по каналам *корреляции язык-речь-дискурс* (*language-speech-discourse correlation*), где сама корреляция является константой, члены корреляции – переменными, а неустранимая субъективность вербального мышления нарастает по направлению от первого члена корреляции к последнему, то есть от *языка* (*language*) – к *дискурсу* (*discourse*);

- *язык* (*language*) есть инвариантная способность к вербальному мышлению на основе того или иного варианта двойного членения²;

- *речь* (*speech*) есть всякая данная манифестация указанной способности во всяком данном акте и при всяких данных обстоятельствах говорения-понимания;

- *дискурс* (*discourse*) есть всякое возникающее вербальное, а следовательно – пара- и экстравербальное (по аналогии с магнитным, информационным) поле, носителем которого является всякий говорящий-понимающий во всякий данный момент говорения-понимания;

- акт вербального мышления есть *корреляция язык-речь-дискурс* (*language-speech-discourse correlation*) в действии; значимость коррелятов при этом не предопределена – она варьирует, и пределом вариативности может быть только неотменимость самой трехчленной корреляции;

- члены триады обладают дифференциальными признаками;

- в *языке* (*language*) доминирует синтактика, которая подчиняет себе семантику, а прагматика при этом может быть сколь угодно мало востребована;

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Дискурс // Энциклопедический лингвистический словарь [2, с. 137].

² Согласно Андре Мартине, единицами первого уровня членения являются минимально значимые звуковые сегменты, возникшие на основе присущего данному этносу способа группировки данных опыта, а единицы второго уровня – это членораздельные звуки, каждый из которых обладает свойством различать слова [13].

- в *речи (speech)* на первый план выдвигается семантика, прагматика отступает в области пара- и экстра-вербального или подчиняется интересам семантики, а синтактика редуцируется, количественно и качественно, вплоть до значимого отсутствия;

- относительно *дискурса (discourse) речь (speech)* представляет собой своего рода синекдоху, так что мы всегда, вольно или невольно, стоим перед выбором, какую часть нашего дискурса нам озвучить (вслух или про себя), а озвученный фрагмент дискурса по объему и значимости может быть сколь угодно ничтожен;

- смыслы и формы рождаются в *дискурсе (discourse)* – в *речи (speech)* и *языке (language)* они фиксируются и соотносятся;

- константа *дискурса (discourse)* обеспечена вербальным мышлением, жизнеспособность которого обязана именно *дискурсу (discourse)*, тогда как *язык (language)* является условием, а *речь (speech)* – формой существования вербального мышления;

- художественное мышление вербального типа также обладает своим *дискурсом (discourse)*, который иначе называется *поэтикой (poetics)*.

Сюжет (syuzhet) и дискурс (discourse) в поэтике Достоевского

В 1861 году Достоевский и Добролюбов сразились статьями, соответственно, «Г-н -бов и вопрос об искусстве» [6, т. 18, с. 70-100] и «Забитые люди».

Достоевский увидел в позициях своего оппонента утилитарный подход в определении критериев художественной ценности произведений искусства, на что Добролюбов ответил, в частности, знаменательной репликой в адрес романа Достоевского «Униженные и оскорбленные»: «...Пусть бы в романе г. Достоевского отразилась в своей полноте хоть этакая маленькая, миниатюрная задача жизни: как может смрадная козявка, подобная Алеше, внушить к себе любовь порядочной девушке. Разъясни нам автор хоть это – мы бы готовы были проследить его рассказ шаг за шагом и вступить с ним в какие угодно художественные и психологические рассуждения. Но ведь и этого нет: пять месяцев, в которые возникла и дошла до своего страшного пароксизма любовная горячка Наташи, не удостоены ни одной страничкой. Сердце героини от нас скрыто, и автор, по-видимому, смыслит в его тайнах не больше нашего. Мы с доверием обращаемся к нему и спрашиваем: как же это могло случиться? А он отвечает: вот подите же – случилось, да и только. – Да, пожалуй, прибавит к этому: чрезвычайно странный случай... а впрочем, это бывает. – Не угодно ли искать художественного смысла в подобном произведении?» [5].

Для Добролюбова оказалась неприемлемой порочная, на его взгляд, неэксципированность событий романа «Униженные и оскорбленные», каковую он проиллюстрировал пародией на вербальность романа. Казус состоял в том, что пародия Добролюбова, вне зависимости от текущих намерений критика, совершенно справедливо заострила внимание на проникающих в поэтику явлениях аморфности, неопредмеченности, асюжетности, хаоса. Добролюбову не дано было стать современником пятикнижия Достоевского, где явления, столь неприятно его озадачившие, обрели свойства дифференциальных признаков, может быть, самой влиятельной авторской поэтики за всю историю художественного мышления вербального типа.

Корни хаотического у Достоевского – в неустранимой полисубъектности «основного события» произведений, создаваемых этим автором, в прямом влиянии субъектов «основного события» на вербальность произведений. Субъекты имярек события романа Достоевского вербально столь активны, что художественный мир порой оказывается буквально забит голосами, озадаченными поименованием некоего чрезвычайного события, ни истинных причин, ни подлинного содержания, ни грядущих последствий которого они еще, уже или вообще не могут осознать.

Это происходит даже в пределах *дискурса* одного и того же субъекта имярек события произведения. Один из «вопиющих» (как глас вопиющего в пустыне) примеров тому – фрагменты *дискурса* Дмитрия Карамазова в некой кульминации некоего основного события романа «Братья Карамазовы»: «Смердяков!»; «Смердяков»; «Нет, не Смердяков!» [6, т. 14, с. 428]; «Смердяков или не Смердяков?» [Там же, с. 429]; «Господа, это Смердяков! – закричал он (Дмитрий Федорович Карамазов – Л. Т.) вдруг изо всей силы, – это он убил, он ограбил! <...> Это он, теперь ясно!» [Там же, с. 439].

В отличие от князя Льва Николаевича Мышкина, Дмитрий Федорович Карамазов не умеет сказать себе, «что в эту минуту и давно уже говорит все не о том, о чем ему надо говорить, и делает все не то, что бы надо делать» [Там же, т. 8, с. 506]. Но сути дела это не меняет, и эту суть этого дела в свойственной ему резкой манере артикулирует Родион Раскольников. «Раз навсегда: никогда ни о чем меня не спрашивай. Нечего мне тебе отвечать» [Там же, т. 6, с. 240], – говорит он Разумихину опять-таки в некий кульминационный момент некоего основного события романа «Преступление и наказание».

Над типичным героем типичного романа Достоевского типично довлеет бремя несказанности. Типичный герой Достоевского бьется над тайнами именованного того, что ускользает от его понимания либо оказывается за пределами его видения и ведения – еще, уже или вообще. Ускользает от понимания, оказывается за пределами видения и ведения сам искомый предмет именованного – и это притом, что данный мир не может не быть предметным. В результате типичный герой Достоевского оказывается в ситуации, когда то, что есть в предмете, есть в то же время «не то» по отношению к «тому самому», что драматически и даже трагически важно поименовать.

«То самое», на которое так или иначе указывает «не то», не имеет структуры, аморфно. Здесь и сейчас оно пребывает в состоянии неопредмеченности. Но любое состояние имеет свои признаки. Признаки состояния либо системны, либо асистемны, либо переходны. Данные признаки аморфного или переходного состояния находятся в тех или иных отношениях к их значимости в системе, которой еще нет или уже нет. В самом общем смысле, это могут быть отношения антонимии и синонимии, сочинения и подчинения,

однородности и разнородности, метафорические и метонимические, символа и эмблемы, чистые и диффузные, аналогические и неаналогические. Данные признаки искомой предметности несут некую информацию о ней и находятся в неких отношениях с ней вне зависимости от меры нашей пронизательности или своеволия.

Парадигма «предмет как таковой – предмет как не то – предмет как искомое то самое» (*the thing as it is – not the thing – the very thing*) синтагматически реализует себя в **корреляции сюжет-асюжетное** (*syuzhet – asyuzhet correlation*). Для субъекта имярек «основного события» типичного романа Достоевского это означает изматывающее пребывание в состоянии крайне напряженного **сюжетного ожидания** (*waiting for syuzhet*). Мучительная неопределенность в экспликации происходящего, связанная с его аморфностью, сама по себе требует адекватной вовлеченности потенциала субъектного **дискурса**, который обнаруживает себя дискретными выходами на вербальную поверхность романа.

В романе «Братья Карамазовы» появляется даже своего рода функциональное описание субъектного **дискурса**, вовлеченного в **сюжетное ожидание** (*waiting for syuzhet*) «основного события», в его – **дискурса** – «спящем режиме», как-то:

«У живописца Крамского есть одна замечательная картина под названием – «Созерцатель»: изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то «озерцает». Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас, точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе это впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он наверно их копит, неприметно и даже не сознавая, – для чего и зачем, конечно, тоже не знает...» [Там же, т. 14, с. 116-117].

Судя по коннотативности содержания, описание принадлежит рассказчику, которому сравнение Смердякова с мужичком кисти Крамского пришло на ум (может быть, тоже – вдруг) как раз в связи с тем, что «в-лаамова ослица вдруг заговорила» [Там же, с. 117]. Субъектный **дискурс** знаковой в плане рисков **сюжетного ожидания** (*waiting for syuzhet*) фигуры «основного события» романа вышел из «спящего режима» и активировался, как только оказался в поле действия другого, куда более сильного, субъектного **дискурса**, при этом, однако, даже как бы распространив свое влияние на него. Цитируемая часть «Братьев Карамазовых» далее дает нам возможность проиллюстрировать функционирование **категории «не то»** (*category «not the thing»*) и сопутствующих ей рисков **сюжетного ожидания** (*waiting for syuzhet*) выходами на вербальную поверхность романа субъектных **дискурсов** двух референтных субъектов имярек «основного события». Воспользовавшись этой возможностью, обращаемся к соответствующим фрагментам последнего романа пятикнижия и читаем там следующее:

«...Была какая-то отвратительная и особая фамильярность, которую сильно стал выказывать к нему (к Ивану Федоровичу Карамазову – Л. Т.) Смердяков, и чем дальше, тем больше <...> так поставилось дело, что Смердяков видимо стал считать себя бог знает почему в чем-то наконец с Иваном Федоровичем как бы солидарным, говорил всегда в таком тоне, будто между ними вдвоем было уже что-то условленное и как бы секретное, что-то когда-то произнесенное с обеих сторон, лишь им обоим известное, а другим около них копошившимся смертным так даже и непонятное» [Там же, с. 243];

«—Прчь, негодяй, какая я тебе компания, дурак!» – полетело было с языка его (Ивана Федоровича Карамазова – Л. Т.), но, к величайшему его удивлению, слетело с языка совсем другое:

– Что батюшка, спит или проснулся? – тихо и смиренно проговорил он, себе самому неожиданно... На мгновение ему стало чуть не страшно... Смердяков стоял против него... и глядел с уверенностью, почти строго.

– Еще почивают-с, – выговорил он неторопливо <...>. – Удивляюсь я на вас, сударь, – прибавил он, помолчав...

– С чего ты на меня удивляешься? – отрывисто и сурово произнес Иван Федорович, изо всех сил себя сдерживая, и вдруг с отвращением понял, что чувствует сильнейшее любопытство и что ни за что не уйдет отсюда, не удовлетворив его.

– Зачем вы, сударь, в Чермашню не едете-с? – вдруг вскинул глазками Смердяков и фамильярно улыбнулся» [Там же, с. 244];

«Провожать вышли все домашние <...>. Смердяков подскочил поправить ковер.

– Видишь... в Чермашню еду... – как-то вдруг вырвалось у Ивана Федоровича <...>.

– Значит, правду говорят люди, что с умным человеком и поговорить любопытно, – твердо ответил Смердяков, проникновенно глянув на Ивана Федоровича» [Там же, 254].

Позже, со слов рассказчика, мы узнаем, что «воротился... Иван Федорович... уже на пятый только день после смерти родителя, так что не застал гроба его...» [Там же, т. 15, с. 41-42].

Достоевский-художник имеет дело с вербальным мышлением субъектов имярек, пребывающих в обстоятельствах крайне неоднородной, в том числе – предельно малой, опредмечиваемости, объективируемости происходящего с ними, каковая падает по направлению от некоей периферии к некому центру «основного события». Соответственно, в обратном направлении, от центра – к периферии, нарастает присутствие предметной, объектной, **сюжетной** (*syuzhet*) составляющей события произведения. Но суть феномена в целом состоит именно в том, что так или иначе все эти превращения осуществляются и обнаруживают себя (что в природе вещей и по-другому невозможно) именно относительно предметно, объектно данного, относительно **сюжета** (*syuzhet*), вступающего в коррелятивные отношения с **асюжетным** (*asyuzhet*), проводником которого может быть только **дискурс** (*discourse*).

В качестве заключения: О том, что такое «текст»

«*Определение текста, которое можно было бы считать исчерпывающим и которое носило бы терминологический характер, еще не выработано (выделено авторами цитируемой статьи – Л. Т.)*» [9, с. 85].

Так что во избежание недомолвок нам явно следовало определиться по содержанию понятия *текст*. На помощь пришли простейшие обстоятельства нашей работы над статьей, а именно: до и в процессе создания данного *текста* мы читали *тексты* художественных произведений, научных работ, а результаты создания данного *текста* нам полагается привести в соответствие с редакционными требованиями к оформлению *текста* статьи, в числе которых – *текстовый* редактор *Microsoft Word* и выравнивание *текста* статьи по ширине.

Есть ощущение, что филология страдает неопределенностью толкования своих понятий не столько в силу сложности явлений, нуждающихся в дефинициях (они и во времена Аристотеля не были простыми), сколько потому что она придерживается размежевания между лингвистикой и наукой о литературе, как если бы произведения литературы не создавались на том или ином языке и, соответственно, не являлись референтным материалом для лингвистики. Лингвистика по возможности игнорирует науку о литературе. Наука о литературе, в свою очередь, по возможности игнорирует лингвистику. Их взаимности «мешает» субъект вербального мышления с его парадигмой уровней субъектности, степенью субъективности и реалиями субъектно-объектных отношений.

Между тем, для *текста* субъектность и субъективность так же неотвратимы, как они неотвратимы для рече-дискурсивных манифестаций способности вербального мышления на любом живом человеческом языке. Вся разница состоит в том, что *корреляция язык-речь-дискурс (language-speech-discourse correlation)* отражает *процесс* субъектно-объектных отношений, в то время как *в тексте объективируется результат* этого процесса.

Иными словами:

- *язык (language), речь (speech), дискурс (discourse)* являются понятиями, содержание которых относится к *процессу вербального мышления*;

- *текст* является понятием, содержание которого относится к *результату вербального мышления*.

Простой пример тому – данная статья. Но наилучший пример тому – уникальный *текст* типичного романа Достоевского, который, подобно образовавшейся после извержения вулкана лаве, являет собой знаки вырвавшихся наружу стихий «основного события».

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645-680.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Энциклопедический лингвистический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/2049/Punctum (дата обращения: 08.08.2013).
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
5. Добролюбов Н. А. Забытые люди [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0200.shtml (дата обращения: 12.07.2013).
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 6. 421 с.; Т. 8. 509 с.; Т. 14. 507 с.; Т. 15. 620 с.; Т. 18. 370 с.
7. Интервью Тена ван Дейка журналу «Современный дискурс-анализ» [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. Вып. 9 (2013). URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada9/st61.shtml> (дата обращения: 29.08.2013).
8. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 5-11.
9. Кожанов А. А., Россихина Г. Н. Лингвистическое понятие текста [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 1. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/20.html> (дата обращения 10.09.2013).
10. Косиков Г. К. Альгирдас-Жюльен Греймас [Электронный ресурс] // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. URL: <http://libfl.ru/mimesis/txt/greimas2.php> (дата обращения: 26.08.2013).
11. Косиков Г. К. Два века западноевропейского литературоведения: от «романтической герменевтики» до «новой критики» // Косиков Г. К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). М.: Рудомино, 1998. С. 7-44.
12. Лотман Ю. М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-266-.htm> (дата обращения: 10.09.2013).
13. Мартин А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. Вып. 3. С. 366-566.
14. Поспелов Г. Н. Сюжет в литературе [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article108251.html> (дата обращения: 24.08.2013).
15. Савинков С. В. Нарративные коллизии пушкинской эпохи: Два сюжета [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2010. № 3. Т. 14. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16352153> (дата обращения: 10.09.2013).
16. Сюжет // Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/32109/%D0%A1%D0%AE%D0%96%D0%95%D0%A2 (дата обращения: 25.08.2013).
17. Толстой Л. Н. Собрание сочинение: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т. 17-18. 1984. 911 с.
18. Торопова Л. А. Островский, Достоевский, Чехов: Об алгоритме поэтики XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 187-196.
19. Торопова Л. А. Романы Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»: Проблемы и опыт филологического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 1. С. 163-174.
20. Чернявская В. Е. Дискурс – «лидер продаж» или «распродажа дискурса»? [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18727395> (дата обращения: 09.09.2013).

BASED ON DOSTOEVSKY'S PENTATEUCH: WHAT IS «SYUZHET» AND WHAT IS «DISCOURSE»?**Toropova Lyudmila Aleksandrovna***l.a.toropova@mail.ru*

The author focuses on the uncertainty of the basic notions of literary criticism and linguistics, on the progressive fragmentation of these philological sciences, equally designed to study the works of verbal thinking; critically analyzes the content part of the most problematic notions, and basing on the reference data of Dostoevsky's Pentateuch poetics provides the interrelated definitions of some notions related to such dynamic conceptual complexes as language-speech-discourse correlation and syuzhet-asyuzhet correlation.

Key words and phrases: Dostoevsky's pentateuch; syuzhet; category «not the thing»; asyuzhet; syuzhet-asyuzhet correlation; language; speech; discourse; language-speech-discourse correlation; waiting for syuzhet; text.

УДК 378:811.111(073)

Педагогические науки

В статье затрагивается проблема формирования вторичной коммуникативной профессиональной личности как цели иноязычной подготовки в условиях неязыкового вуза, экономического в частности. Анализируются понятия «языковая личность» и «вторичная языковая личность». Предпринимается попытка очертить основные параметры вторичной коммуникативной профессиональной личности.

Ключевые слова и фразы: иноязычная подготовка; экономический вуз; межкультурная коммуникация; вторичная коммуникативная профессиональная личность; параметры.

Хоменко Александр Викторович, к. пед. н., доцент*Киевский национальный университет технологий и дизайна, Украина**alexander.khomenko@gmail.com***ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗАХ[©]**

Нельзя умалить личностную и профессиональную значимость владения иностранными языками и межкультурной коммуникацией для будущих экономистов, бизнесменов, предпринимателей. Расширение сферы межкультурного взаимодействия за счет формирования способности к иноязычной профессиональной коммуникации, которая также увеличивает, согласно А. В. Мариничевой, и функциональные возможности в профессиональной сфере, является одним из факторов совершенствования качества иноязычной подготовки в неязыковых высших образовательных заведениях [5]. Мы солидарны с исследователями, утверждающими, что выход на межкультурную профессиональную коммуникацию обеспечивается благодаря развитию черт вторичной коммуникативной профессиональной личности [1]. Раскрытие этого понятия применительно к условиям неязыковых (в том числе и экономических) вузов и является целью нашей статьи. Реализация цели достигается постановкой следующих задач: 1) обосновать актуальность целевой установки на формирование вторичной языковой личности; 2) проанализировать понятие «вторичная языковая личность»; 3) определить параметры вторичной коммуникативной профессиональной личности.

Несмотря на дискуссии относительно правомерности выделения теории вторичной языковой личности из общей теории языковой личности (Г. И. Богин, А. А. Леонтьев, Ю. М. Караулов и др.), мы считаем формирование вторичной языковой личности не просто целью иноязычной подготовки, как это утверждает большинство исследователей, а стратегической целью государственной языковой политики Украины и критерием эффективности системы иноязычной подготовки страны. Исходя из этого, мы присоединяемся к точке зрения исследователей, выдвигающих в качестве приоритетной и злободневной задачу формирования вторичной языковой личности в условиях высшего образовательного заведения (М. Г. Евдокимова, А. В. Мариничева, Н. П. Хомякова и др.). По нашему убеждению, на ее решение должна быть направлена вся система образования, начиная с дошкольного. Высшее учебное заведение – лишь один из этапов формирования вторичной языковой личности. Поэтому в условиях негуманитарного, в нашем случае экономического, вуза, декларируя цель формирования вторичной профессиональной коммуникативной личности, мы должны учитывать и сегодняшние реалии. Сейчас, как нам представляется, мы можем говорить даже не об основах, а лишь о формировании черт такой личности, то есть будущего специалиста, который владел бы профессией и иностранным языком и мог общаться в межкультурном, мультилингвальном пространстве, в частности, профессиональном. В наше время, когда в стране существуют большие проблемы с владением иностранными языками, в вузе мы сможем заложить лишь фундамент для формирования основ